

Novelty of criminal legislation on liability for looting (Article 356.1 of Criminal Code of the Russian Federation): technical and legal analysis of the structure of the crime

Yu. O. Goncharova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-2 -266-271

Research article
Full text in Russian

The article analyses the structure of the norm on criminal liability for looting (Article 356.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). This norm is a novelty of the current domestic criminal legislation, in connection with which, in the author's opinion, there are some shortcomings and technical gaps in it. The author gives a small retrospective analysis of the rule on responsibility for looting. When studying the composition of the crime in question, the author notes the excessive casuistics used by the legislator in the construction of the composition of looting. It is proposed to exclude the signs characterising theft from Part 1 of the article under study, as well as to exclude concretisation regarding the range of victims whose property may be stolen by a looter. The author considers it expedient to indicate in the disposition the rules on looting the features characterising: 1) extortion and 2) the place of commission of the crime, as the absence of these signs is a legal and technical error. A note to Article 356.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, which contains quantitative characteristics of the damage caused to a person by looting actions, namely a large amount over 250 thousand rubles and a particularly large amount over one million rubles, also falls under the critical analysis. According to the author, these characteristics are overestimated and require adjustment, as the current norm will be «dead» due to the fact that it is difficult to imagine the amounts of money or other property fixed by the legislator that are with the victims of looting. In conclusion, the author proposes an amended version of the main composition of the looting rule.

Keywords: Criminal Code of the Russian Federation; war crime; legislative equipment; looting; fighting; wartime; armed conflict; theft

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Goncharova, Yuliya O. | E-mail: julygoncharova97@yandex.ru
Postgraduate

Funding: Yaroslavl State University (project VIP-014).

Новелла уголовного законодательства об ответственности за мародерство (ст. 356.1 УК РФ): технико-юридический анализ конструкции состава преступления

Ю. О. Гончарова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-2 -266-271
УДК 344.2

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье анализируется конструкция нормы об уголовной ответственности за мародерство (статья 356.1 УК РФ). Данная норма является новеллой действующего отечественного уголовного законодательства, в связи с чем, по мнению автора, в ней имеются некоторые недоработки и технические пробелы. Автором дается небольшой ретроспективный анализ нормы об ответственности за мародерство. При изучении состава рассматриваемого преступления отмечается лишняя казуистичность, использованная законодателем при конструировании состава мародерства. Предлагается исключить признаки, характеризующие хищение, из части 1 исследуемой статьи, а также исключить конкретизацию относительно круга потерпевших, чье имущество может быть похищено мародером. Автор считает целесообразным указание в диспозиции нормы о мародерстве признаков, характеризующих: 1) вымогательство и 2) место совершения преступления, так как отсутствие данных признаков является юридико-технической ошибкой. Под критический анализ подпадает и примечание к статье 356.1 УК РФ, содержащее в себе количественные характеристики ущерба, причиняемого лицу мародерскими действиями, а именно крупный размер свыше 250 тысяч рублей и особо крупный размер свыше одного миллиона рублей. По мнению автора, данные характеристики завышены и требуют корректировки, так как действующая норма окажется «мертвой» в силу того, что трудно представить себе закрепленные законодателем суммы денежных средств или иного имущества, находящиеся при себе у потерпевших от мародерства. В заключение автором предлагается измененная редакция основного состава нормы о мародерстве.

Ключевые слова: УК РФ; военные преступления; законодательная техника; мародерство; боевые действия; военное время; вооруженный конфликт; хищение

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гончарова, Юлия Олеговна | E-mail: julygoncharova97@yandex.ru
Аспирант

Финансирование: ЯрГУ (проект VIP-014).

© ЯрГУ, 2023

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Следует признать, что в последнее время нашему обществу все чаще приходится сталкиваться с такими явлениями, как война, вооруженный конфликт, военные действия. В настоящий момент также ведутся боевые действия в рамках специальной военной операции (далее – СВО) на территории Украины и Российской Федерации. Очевидно, что в ситуации вооруженного конфликта резко возрастает количество противоправных проявлений в сфере охраны прав личности, общества и государства. Это обстоятельство приводит к тому, что проблемы, связанные с конструированием и правоприменением норм об уголовной ответственности за военные преступления, становятся все более актуальными.

Особое место в группе военных преступлений занимает мародерство, поскольку это посягательство в условиях непосредственного ведения боевых действий совершается наиболее часто [1, с. 111]. Мародерство – издревле известное опасное явление. Под мародером понимается человек, грабящий убитых и раненых на поле сражения или в районе военных действий; морально разложившийся солдат, грабящий население во время войны [2, с. 230]. В отечественном уголовном законодательстве ответственность за мародерство появилась в «Уставе ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки» 1607 года, однако самого термина «мародерство» данный акт не содержал. Статья 328 Устава предполагала уголовную ответственность за получение денег или иных ценностей путем самовольного поджога, что мы можем отнести к определенному виду мародерства. Термин «мародерство» впервые возникает в Уголовном кодексе РСФСР от 01 июня 1922 года, а именно в статье 214: «Мародерство, т. е. противозаконное отображение при боевой обстановке у гражданского населения принадлежащего последнему имущества, с употреблением угрозы военным оружием и под предлогом необходимости сего отображения для военных целей, а также снятие с корыстной целью с убитых и раненых находящихся у них вещей». В последующих уголовных законах ответственность за мародерство неизменно существовала, однако в Уголовном кодексе РФ от 13 июня 1996 года места для рассматриваемого нами преступления не нашлось. И только спустя 26 лет после принятия действующего кодекса, мы вновь видим на страницах закона – «мародерство».

Итак, статья 356.1 «Мародерство» является новеллой уголовного закона и была введена в УК РФ Федеральным законом от 24 сентября 2022 года № 365-ФЗ. Стоит отметить, с какой скоростью был принят данный законопроект: с момента внесения поправок до вступления их в законную силу прошло всего лишь пять дней. Думается, такая молниеносность принятия закона не прошла бесследно, законодатель допустил немало ошибок при конструировании состава уголовной ответственности за мародерство. Об этом далее мы и поговорим в данной работе.

Рассматривая приемы законодательной техники, стоит проанализировать степень обобщения конкретных показателей нормы, содержащейся в ст. 356.1 УК РФ. Исходя из этого анализа, можно сделать вывод об исполь-

зовании законодателем смешанного приема, но с большей степенью казуистичности. В части 1 данной статьи раскрыто понятие «мародерство», однако сделано это, на наш взгляд, совершенно необоснованно в части истолкования не только самого понятия «мародерство», но и понятия «хищение». Уголовный закон уже ранее в примечании 1 статьи 158 предусмотрел, что под хищением стоит понимать «совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества». Таким образом, в целях лингвистической экономии более удачно было бы использовать скрытую отсылку к примечанию 1 ст. 158 УК РФ.

Очередной ошибкой излишне казуистичного характера, допущенной законодателем при конструировании исследуемой статьи, можно считать выделение определенного круга потерпевших, чье имущество может быть похищено при совершении такого преступления, как мародерство, а именно законодатель зачем-то сделал акцент на убитых, раненых и гражданском населении. Стоит отметить, что доктрина и практика признают применительно к иным хищениям (ст. 158, 221, 226, 229 УК РФ) оконченным преступлением неправомерное корыстное изъятие имущества, которое находится при погибшем человеке [3, с. 117–118], следовательно, дополнительной конкретизации в ч. 1 ст. 356.1 не требуется. Каким образом имущество, находящееся при раненом, выделяется из общей массы имущества, на которое может быть направлено посягательство, неясно. Указание на гражданское население, на наш взгляд, также излишне, поскольку мародерские посягательства, к примеру на имущество военнослужащих, которые находятся в строю и участвуют в боевых действиях, по своей общественной опасности могут в некоторых случаях существенно превышать аналогичные преступления в отношении гражданского населения. Следовательно, нахождение в диспозиции словосочетания «... в том числе имущества, находящегося при убитых или раненых, имущества гражданского населения...» является излишним, данная формулировка может быть исключена из настоящей редакции ст. 356.1 УК РФ.

Следующим технико-юридическим приемом является способ изложения нормы. При конструировании исследуемой нами нормы были использованы прямой и бланкетный способ. Прямой способ изложения ранее был уже нами критически оценен в части изложения признаков хищения в ч. 1 ст. 356.1. При этом стоит отметить, что законодатель использует четыре бланкетных признака, при оценке которых необходимо обратиться к иноотраслевому законодательству: 1) военное положение, 2) военное время, 3) условия вооруженного конфликта, 4) условия ведения боевых действий. Для верного понимания данных терминов стоит обратиться к иным нормативно-правовым актам: федеральным законам, указам Президента, постановлениям правительства и т. д.

При конструировании нормы об уголовной ответственности за мародерство законодатель использовал приемы примечания и дефиниции. В Особенной части УК дефиниции в большинстве случаев размещаются как раз в по-статейных примечаниях и делятся на качественные (примечания к ст. 318, 322, 359 УК РФ) и количественные (ст. 293, 299, 327.1 УК РФ). В данном случае в примечании закреплена классическая количественная дефиниция, в которой раскрывается содержание крупного (стоимость имущества, превышающая двести пятьдесят тысяч рублей) и особо крупного размеров (стоимость имущества, превышающая один миллион рублей).

На наш взгляд, требует определенной коррекции формализация крупного и особо крупного размера, закрепленного в примечании к анализируемой норме. Существующие количественные характеристики ущерба, причиняемого лицу мародерскими действиями, в крупном размере (свыше 250 тысяч рублей) и особо крупном размере (свыше одного миллиона рублей) являются несколько завышенными. Очевидно, что указанные размеры были напрямую заимствованы законодателем из примечания 4 к ст. 158 УК РФ. В этой связи отметим два обстоятельства. Во-первых, в примечании 2 ст. 158 УК РФ закреплён и значительный размер, что говорит о возможности более глубокой дифференциации и в норме о мародерстве. Во-вторых, практика и особенности ведения боевых действий, уровень денежного довольствия военнослужащих – участников СВО (в среднем 150–200 рублей (думаю, тысяч рублей. Да.) в месяц) позволяет говорить о том, что стоимость наличных денежных средств, различного имущества, которое может находиться при потерпевшем, в редких случаях может превышать 250 тысяч и тем более 1 миллион рублей. Это указывает на возможное правоприменительное «бездействие» количественных квалифицированных составов [4, с. 79].

Можно, конечно, возразить, что под уголовно-правовую охрану мародерства должны попадать и юридические лица, и граждане, способные обладать более высоким размером похищаемого имущества. Все это так, но прежде всего указанная норма направлена на противодействие мародерству в отношении участников боевых действий, в том числе погибших. В этой связи мы предлагаем понизить границы крупного размера до 100 тыс. рублей, особо крупного до 500 тыс. рублей. Вариант с введением признака значительного размера с пониженной количественной границей (например, 100 тыс. рублей) считаем менее удачным, поскольку он делает конструкцию нормы более громоздкой.

Значительным недочетом юридико-технического характера при описании такого преступного деяния, как мародерство, можно считать отсутствие указания на возможность совершения его путем вымогательства. На наш взгляд, данная разновидность хищения имеет место быть. Так, в настоящее время очевидна определенная распространенность фактов вымогательства на территориях проведения боевых действий в рамках СВО. Помимо «практического» аргумента, следует сказать и о нарушении правил внутриотраслевой системности в построении уголовно-правовых запретов Особенной

части УК [5, с. 170–171]. Все диспозиции норм о корыстных посягательствах на различные виды собственности наряду с хищением содержат альтернативный признак, характеризующий вымогательство. Таким образом, данный признак должен быть отражен и в норме о мародерстве.

Следующее, на что хотелось бы обратить внимание, это отсутствие в ст. 356.1 УК РФ указания на место совершения преступления. Законодатель указывает лишь обязательное условие – совершение хищения в период военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий. Отсюда вытекает вопрос: хищение телевизора из квартиры, находящейся в сотнях километров от территории боевых действий, совершенное в военное время, будет признаваться мародерством? Конечно, мы понимаем, что это совершенно неверная квалификация деяния, однако, исходя из буквы закона, действия, описанные в примере, полностью подпадают под признаки мародерства, перечисленные в законе. Полагаем, что в целях устранения данного технико-юридического пробела необходимо включить в ч. 1 ст. 356.1 УК РФ указание на совершение деяния в зоне боевых действий.

Подводя итог нашего исследования, хотелось бы отметить, что действующая норма об уголовной ответственности за мародерство является несовершенной и подлежит коррекции. На наш взгляд, редакция основного состава статьи 356.1 УК РФ может выглядеть следующим образом:

Статья 356.1. Мародерство

1. Мародерство, то есть хищение либо вымогательство чужого имущества, совершенные в зоне боевых действий в период военного положения, в военное время или условиях военного конфликта, наказываются лишением свободы на срок до шести лет...

Примечание 1. Крупным размером в настоящей статье признается стоимость имущества, превышающая сто тысяч рублей, а особо крупным – пятьсот тысяч рублей.

Ссылки

1. Курносова Т. И. История закрепления понятий о военных преступлениях и преступлениях против человечности в законодательстве Российской Федерации // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2015. № 4. С. 110–115.
2. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2: К–О / РАН, Ин-т лингвист. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стереотип. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. 230 с.
3. Грузинская Е. И., Тахтенкова А. О. Хищение имущества, находящегося при трупе: вопросы квалификации // Правовая политика и правовая жизнь. 2015. № 2. С. 116–122.
4. Соловьев О. Г., Гончарова Ю. О. Дискуссионные аспекты определения перечня средств и приемов законодательной техники в правотворческом процессе // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2021. Т. 15, № 1. С. 76–83.
5. Иванчин А. В. Концептуальные основы конструирования состава преступления: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2015. 462 с.